

СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

А. И. Костяев

Северо-Западный научно-исследовательский институт
экономики и организации сельского хозяйства,
196608, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, ш. Подбельского, 7

Поступила в редакцию 26.08.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-6
© Костяев А. И., 2019

Статья посвящена исследованию сельских территорий северо-западного приграничья в пределах муниципальных районов и городских округов первой линии от сухопутной границы России. Цель исследования — установление проблем развития данных территорий и поиск путей их решения. Методология — неозндогенный подход, предполагающий максимальное использование внутренних ресурсов территорий на основе концепции многофункциональности, инициативы «снизу» при поддержке ее органами власти «сверху», широкого использования инноваций, интернет-сетей и научных знаний. Исследование ориентировано на учет неоднородности сельских территорий с оценкой ее путем установления типологии районов по структуре сельскохозяйственного производства с использованием индекса Холла — Тайдмана. Определено место приграничных районов в соответствующих субъектах Федерации по ряду основных индикаторов. В зависимости от структуры аграрного производства выделены три типа районов: с доминированием сельскохозяйственных организаций, с доминированием хозяйств малых форм, с сочетанием тех и других. Установлены различия в динамике производства между типами районов. Выделены общественно значимые функции сельских территорий применительно к их выполняющим хозяйствующим субъектам. На основе анализа рекреационных ресурсов районов приграничья установлены направления трансформации сельских территорий в потребительские пространства с учетом существующих географических образов. Основные пути развития сельских территорий определены, исходя из принципов неозндогенного подхода, и дифференцированы по выделенным типам районов. Сделан вывод, что сельские территории северо-западного приграничья обладают разнообразным и уникальным ресурсным потенциалом, достаточным для обеспечения их устойчивого развития на основе неозндогенного подхода.

Ключевые слова:

сельское развитие, функции, многофункциональность, географический образ, имидж, бренд, неозндогенный подход

Введение

Сельские территории приграничных районов, как правило, по отношению к центрам регионов или крупным промышленным пунктам являются дальней периферией, с более низкой плотностью населения и степенью хозяйственной освоенности

Для цитирования: Костяев А. И. Сельские территории северо-западного российского приграничья: проблемы и пути развития // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 93–113. doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-6.

территории, специфичной демографической обстановкой и другими особенностями. Значительная часть приграничных районов находится в состоянии депрессии при наличии в них разнообразных ресурсов для своего развития.

В последнее время опубликован ряд научных статей [1—5 и др.], посвященных исследованию приграничных территорий Российской Федерации, которые рассматриваются, как правило, на мезоуровне, что не позволяет в полной степени отразить их специфику. Работы о развитии приграничных сельских территорий на микроуровне, в том числе для северо-западного российского приграничья, практически отсутствуют. В отношении других регионов в научной литературе упор делается на механизмы трансграничного сотрудничества [6; 7].

В современных условиях, при усложнении межгосударственных отношений, когда границы России утрачивают контактные функции, трансграничное сотрудничество вряд ли следует рассматривать в качестве основы развития приграничных сельских территорий. При этом «на российских границах процесс трансграничного регионообразования протекает довольно вяло» [8, с. 86]. Исходя из сказанного, основной упор в статье сделан на поиск внутренних факторов развития сельских территорий приграничья на микроуровне с использованием имеющихся общих научных подходов к решению данной проблемы.

В отечественной науке исследование сельских территорий ведут представители разных отраслей знаний: экономисты-аграрники [9—15], социологи [16—20], географы-обществоведы [21—24].

Проблемы сельского развития экономисты-аграрники увязывают с сельскохозяйственным производством, социологи — с формированием человеческого и социального капитала. Географы изучают сельскую местность, преимущественно через процессы трансформации расселения. Особое внимание при этом уделяется садово-дачным поселкам горожан, их рекреации, «дачеведению» [21—23]. Интересным является «Угорский проект» — мониторинг трансформации сельской жизни с погружением в социальную среду деревни [22]. Многие географические исследования осуществляются на междисциплинарной основе [17; 20; 22], что дает положительный результат. Тем не менее в большинстве случаев изучение сельских территорий носит «цеховой» характер, представители различных наук используют разные методологические подходы и разрозненный терминологический и понятийный аппарат.

Следует отметить, что вопросы развития сельских территорий системно исследуются за рубежом, и это достаточно хорошо видно из ряда научных публикаций. Так, в сборнике «Rural Planning and Development» в обобщенном виде рассматриваются «ключевые концепции развития сельских районов, включая широкий спектр опубликованных источников» [25]. В зарубежной печати в последние десятилетия развернулась дискуссия относительно смены парадигмы сельского развития и поиска его новых направлений [26]. В определенной степени это поддерживается и российскими учеными [15; 16]. При этом предлагается заменить экзогенный подход, опирающийся на внешние факторы сельского развития, на эндогенный, базирующийся на максимальном использовании локальных ресурсов сельских территорий. В этом случае упор делается на территориальное, а не отраслевое (секторальное) развитие сельских районов со всеми вытекающими отсюда последствиями [27]. Вместе с тем научные поиски новых путей сельского развития продолжают. Выдвинутая ранее концепция неэндогенного развития в настоящее время подвергается пересмотру [28]. Особое внимание уделяется брендингу сельских территорий [29], их многофункциональности [30; 31], концепции «сельских сетей» [26; 32], роли социального капитала в сельском развитии [32; 33].

Рассматриваются и другие вопросы теории развития сельских территорий, которые будут нами использованы при решении обозначенной проблемы. Акцент ставится на сельскохозяйственное производство, остающееся основным видом хозяйственной деятельности на территории, где проживают более 80 % населения северо-западного приграничья.

Цель исследования — установление проблем развития сельских территорий северо-западного приграничья и поиск путей их решения в обозримой перспективе.

Задачи исследования:

1. Определение места приграничных районов в соответствующих субъектах Федерации по базовым индикаторам.
2. Выделение общественно значимых функций сельских территорий.
3. Диагностика неоднородности сельских территорий по условиям и результатам выполнения производственной функции.
4. Поиск маркетинговых решений для реализации непроектных функций сельских территорий.
5. Обоснование направлений развития сельских территорий приграничных районов в обозримой перспективе.

Методология исследования

Методология исследования базируется на неоздоженном подходе к развитию сельских территорий, предполагающем мобилизацию внутренних ресурсов приграничных районов «снизу» и поддержку местных инициатив «сверху». Неоздоженный подход формирует представление о сельских территориях как о потребительских пространствах, исходя из концепций многофункциональности и территориального брендинга, при широком использовании инноваций, интернет-сетей, научных знаний.

Материалами для статьи послужили база данных Росстата, результаты собственных исследований, содержание интернет-сайтов, теоретические положения российских и зарубежных ученых.

Диагностика неоднородности сельских территорий в аграрном производстве осуществляется на основе типологии районов по структуре сельскохозяйственного производства с использованием индекса Холла — Тайдмана, отражающего степень его концентрации в каждой из категорий хозяйств: в сельскохозяйственных организациях, крестьянских (фермерских) хозяйствах или хозяйствах населения [34].

В дополнение при типологии используется метод генерализации. В качестве результирующих показателей, отражающих влияние неоднородности сельских территорий на их развитие, применяются коэффициенты среднегодовых темпов прироста объемов производства продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах.

Приграничные районы Северо-Запада и их место в соответствующих субъектах Федерации

Приграничные сельские территории Северо-Запада России представлены 29 районами четырех субъектов Федерации (Республики Карелия, Калининградской¹, Ленинградской, Мурманской и Псковской областей), граничащих с Норвегией, Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей и Беларусью.

¹ В Калининградской области не рассматриваются Зеленоградский и Мамоновский районы в силу их специфики.

На приграничные районы приходится в целом по субъектам Федерации свыше трети площади их территории и 24 % численности сельского населения при более низкой его плотности (табл. 1).

Таблица 1

**Место приграничных районов
в соответствующих субъектах Российской Федерации
по площади территории, численности сельского населения и его плотности,
на 1 января 2019 года**

Субъект Российской Федерации	Доля приграничных районов в показателях по субъекту РФ, %		Плотность сельского населения, чел. на км ²	
	В площади территории	В численности сельского населения	Субъект РФ	Приграничные районы
Республика Карелия	41,9	28,1	0,7	0,4
Калининградская область	50,3	40,6	14,8	12,0
Ленинградская область	15,7	15,3	7,9	7,6
Мурманская область	37,9	42,9	0,4	0,4
Псковская область	27,3	26,8	3,3	3,2
<i>Всего</i>	34,7	24,0	2,6	1,8

Составлено на основе данных Росстата².

При этом выделяется Калининградская область, на долю приграничных районов которой приходится половина площади ее территории и более 40 % сельского населения при самой высокой его плотности среди всех рассматриваемых регионов.

В аграрном производстве место приграничных районов определено с использованием показателей площадей сельхозугодий, посевов всех сельскохозяйственных культур и объемов производства продукции сельского хозяйства (табл. 2).

В целом по рассматриваемым регионам Северо-Запада на приграничные районы приходится около одной трети сельхозугодий, посевных площадей и производимой продукции сельского хозяйства. В значительной степени эти показатели формируются за счет Калининградской области. Здесь сосредоточено 63 % посевных площадей и производится треть всей продукции сельского хозяйства северо-западного приграничья.

Из сопоставления данных таблиц 1 и 2 следует, что приграничные районы при меньшей доле численности сельского населения (24 %) производят одну треть продукции сельского хозяйства, что указывает на значимость их сельских территорий для сельскохозяйственного производства большинства соответствующих субъектов Федерации. Динамика показателей отражает тенденцию роста доли приграничных районов в соответствующих регионах в производстве продукции сельского хозяйства и снижения — в обеспеченности сельхозугодиями и посевными площадями при росте эффективности использования земельных ресурсов.

² База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 08.08.2019).

Таблица 2

Доля приграничных районов в соответствующих субъектах Российской Федерации по площади сельхозугодий, посевам сельскохозяйственных культур и объемам производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий, %

Субъект Российской Федерации	Площадь сельхозугодий		Посевные площади всех сельскохозяйственных культур		Продукция сельского хозяйства	
	2006	2016	2006	2016	2008	2017
Республика Карелия	31,9	23,4	22,1	6,2	18,7	17,4
Калининградская область	58,3	63,2	61,9	65,5	48,4	50,7
Ленинградская область	18,4	16,2	17,7	16,7	15,7	17,0
Мурманская область	92,4	44,8	47,1	47,7	59,4	59,9
Псковская область	26,5	20,8	20,9	19,1	20,0	56,6
<i>Всего</i>	32,9	29,4	35,2	33,8	24,9	32,8

Составлено автором за 2006 и 2016 гг. на основе данных³, за 2008 и 2017 гг. на основе данных⁴.

Многофункциональность сельских территорий

Термин «функция места» был введен известными географами А.А. Минцем и В.С. Преображенским в 1970 году. Под функцией места они понимали некоторую часть географического пространства, «которая несет (или может нести) определенную функцию в жизни (деятельности) общества и, следовательно, удовлетворяет (или может удовлетворять) определенную потребность общества (части общества, человека)» [35, с. 120]. При этом отмечалось, что «место может нести множество функций, как одновременно, так и последовательно» [Там же], то есть быть многофункциональным.

Идея многофункциональности относительно сельских территорий была озвучена в СССР в 1980 году Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной и др., которые предложи-

³ *Итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Республика Карелия. URL: http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/ru/census_and_researching/census/national_census_2006/score_2006/35; *Итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Республика Карелия. URL: http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/ru/census_and_researching/census/national_census_2016/score_2016; *Итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года на территории Калининградской области. URL: <https://kaliningrad.gks.ru/All-Russian-Agricultural-Census-2006>; *Окончательные* итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года на территории Калининградской области. URL: <https://kaliningrad.gks.ru/All-Russian-Agricultural-Census-2016>; *Итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Ленинградская область. URL: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/ru/census_and_researching/census/national_census_2006/score_2006; *Окончательные* итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Итоги по Ленинградской области. URL: <https://petrostat.gks.ru/folder/33448>; *Итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Мурманская область. URL: <http://www.gks.ru/news/perepis2006/totals-osn.htm>; *Итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Мурманская область. URL: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2016/score_2016; *Итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по Псковской области URL: <https://pskovstat.gks.ru/vshp2006>; *Итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по Псковской области. URL: <https://pskovstat.gks.ru/vshp2016>.

⁴ База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 08.08.2019).

ли кроме производственной функции сельского хозяйства выделять рекреационную, а также функции социального контроля над территорией и воспроизводства населения [36].

Современный неэндогенный подход к развитию сельских территорий предполагает их рассмотрение, исходя из концепции многофункциональности, то есть с позиций не только производства продукции, но и выполнения ими иных общественно значимых функций. При этом сельские территории представляются как потребительские пространства, где произведенные на них товары и услуги имеют потребительскую стоимость и могут продаваться.

Проблему многофункциональности сельского хозяйства и сельских территорий достаточно подробно рассмотрели современные отечественные исследователи [11–13], обобщение подходов которых было осуществлено нами в одной из публикаций [15, с. 7].

Не вдаваясь по данному вопросу в дискуссию, считаем, что сельским территориям приграничных районов присущи производственная, демографическая, социальная, рекреационная, экологическая функции; функции контроля над территорией, поддержания и сохранения природных и культурных ландшафтов, сохранения объектов историко-культурного наследия, расположенных на сельских территориях.

Функция контроля над территорией для приграничных районов имеет особое значение и свою специфику, так как здесь находится пограничная зона, где существует особый режим передвижения людей и ведения хозяйственной деятельности.

Производственная функция в пределах сельских территорий выполняется в аграрной сфере традиционными категориями хозяйств: сельскохозяйственными организациями (СХО), крестьянскими (фермерскими) хозяйствами (КФХ) и хозяйствами населения (ХН), а в лесном хозяйстве — леспромхозами (ЛПХ). Производственная функция свойственна и бизнес-структурам в различных сферах деятельности материального производства, базирующегося на местных ресурсах.

Лесничества, лесхозы (ЛХ) и особо охраняемые природные территории (ООПТ) выполняют целый ряд важных функций: контроля над территорией, сохранения природных и культурных ландшафтов, рекреационную и экологическую (табл. 3).

Таблица 3

Распределение функций сельских территорий по хозяйствующим субъектам

Функция	СХО, КФХ, ХН и др.	ЛПХ	Лесничества, ЛХ, ООПТ	Муниципальные организации	Бизнес- структуры
Производственная	+	+	–	–	+
Демографическая	–	–	–	+	–
Контроль над территорией	+	–	+	+	–
Сохранение природных и культурных ландшафтов	+	–	+	–	–
Социальная	+	+	+	+	+
Сохранение историко-куль- турного наследия	–	–	–	+	–
Рекреационная	+	–	+	+	+
Экологическая	+	–	+	+	–

Выполнение производственной функции хозяйствующими субъектами зависит как от спроса на соответствующую продукцию, так и от наличия имеющихся на сельских территориях ресурсов.

Производственная функция сельских территорий. Дифференциация приграничных районов

При изучении производственной функции сельских территорий осуществлена типология приграничных районов на основе индекса концентрации объемов производства в хозяйствах каждой из категорий, исходя из структуры сельскохозяйственного производства.

Данная типология для оценки ситуации и обоснования перспектив развития сельских территорий имеет принципиальное значение, так как каждая из категорий характеризуется свойственным ей набором признаков: масштабом, интенсивностью, товарностью, конкурентоспособностью производства. Концентрация на той или иной территории хозяйств одной категории определяет весь уклад жизни на ней, организацию производственной и социальной сферы.

Расчеты индекса Холла — Тайдмана и последующая генерализация полученных результатов позволили выделить три типа районов в зависимости от особенностей структуры сельскохозяйственного производства: I тип — с доминированием СХО; II тип — с доминированием хозяйств малых форм; III тип — с сочетанием СХО и хозяйств малых форм.

Данная типология районов показывает, что практически в равных пропорциях разделяются площади сельских территорий и численность сельского населения между I и III типами, суммарно составляя от итога соответственно 31,5 и 84,5 % (табл. 4).

Таблица 4

Типология приграничных районов Северо-Запада в зависимости от структуры сельскохозяйственного производства, на 1 января 2019 года*

Тип района	Число районов	Средняя плотность сельского населения в группе, чел./км ²	Площадь территории		Численность сельского населения	
			Тыс. км ²	Доля в % от итога	Тыс. чел.	Доля в % от итога
I	6	7,5	15,1	14,0	113,5	41,6
II	8	1,5	76,0	70,7	42,5	15,6
III	10	7,1	16,4	15,3	117,0	42,9
<i>Всего</i>	24	2,5	107,5	100	273,0	100

*Без Мурманской области

Составлено автором на основе данных⁵.

Аграрное производство в районах выделенных типов имеет различные тренды развития, что показано на рисунке.

⁵ База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 08.08.2019).

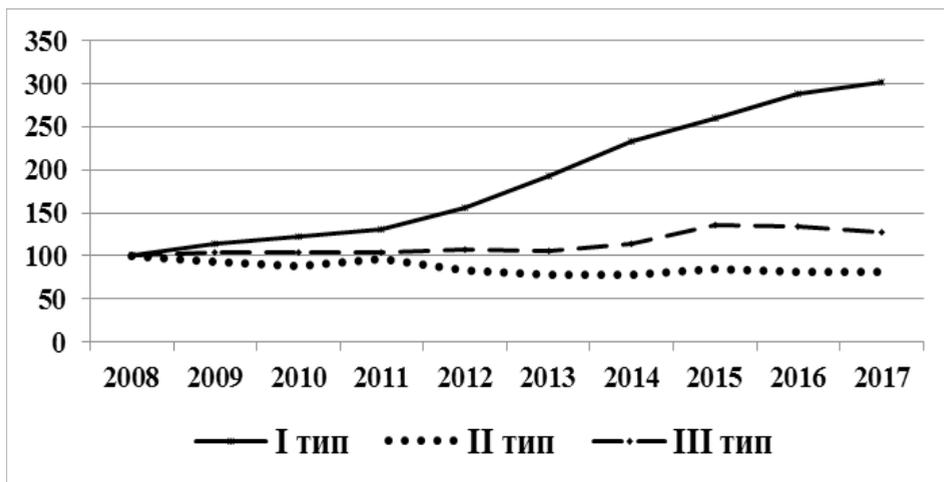

Рис. Динамика объемов производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий по типам приграничных районов Северо-Запада, выделенным по структуре производства, 2008 год = 100 %

Составлено автором на основе данных ⁶.

В районах I типа объемы производства продукции сельского хозяйства за анализируемый период выросли в 3 раза, что повысило их долю в итоговых показателях по всем районам на 21 процентный пункт за счет снижения удельного веса районов III типа на 16 и II типа на 5 процентных пунктов.

Основной прирост продукции в районах I типа обеспечивался крупными холдинговыми структурами, специализирующимися на выращивании и откорме свиней и производстве яиц. К сожалению, обеспечение высоких темпов роста объемов продукции за счет эффекта масштаба имеет негативные последствия для сельских территорий из-за концентрации производства на локальной территории.

1. Крупные животноводческие комплексы оказывают отрицательное воздействие на окружающую природную среду, формируя при этом и негативную социальную ситуацию.

2. В связи с мерами по предотвращению распространения инфекционных заболеваний типа птичьего гриппа и африканской чумы свиней в зоне крупных комплексов уничтожается поголовье в хозяйствах населения, которые, в свою очередь, способствуют поддержанию устойчивости в развитии сельских территорий.

3. В условиях Северо-Запада крупные свиноводческие и птицеводческие предприятия функционируют на концентрированных кормах, зерновые компоненты которых в значительной степени производятся за пределами региона, в этой связи местные земельные ресурсы не включаются в хозяйственный оборот, что сдерживает развитие прилегающих сельских территорий.

⁶ База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 08.08.2019).

Аграрное производство в районах II типа, расположенных в основном в Республике Карелия, имеет стойкую тенденцию к сокращению объемов. Без применения специальных мер хозяйства малых форм, составляющие здесь ядро аграрного производства и играющие при этом заметную роль в обеспечении занятости и пополнении доходов сельского населения, будут и далее снижать масштабы производства.

Аграрное производство в районах III типа имеет незначительную положительную динамику, которая обеспечивается главным образом сельскохозяйственными организациями, являющимися системообразующими структурами для ХН и КФХ. Исследования показывают, что в районах III типа, где в значительной степени представлены СХО, хозяйства малых форм имеют больше возможностей для своего развития, чем в районах II типа, где их практически нет. Рациональное сочетание в структуре производства СХО, КФХ и ХН создает лучшие условия для выполнения производственной функции сельскими территориями и формирует предпосылки их развития.

В то же время приграничные районы Республики Карелия, Мурманской и Псковской областей имеют в целом невысокий потенциал для развития за счет сельскохозяйственного производства. Однако эти районы располагают разнообразными ресурсами, которые при определенных условиях могут дать серьезный импульс развитию сельских территорий за счет реализации ими непроизводственных функций.

Непроизводственные функции сельских территорий

В выполнении большинства непроизводственных функций задействованы одни и те же ресурсы и организации. Реализация рекреационной функции, включая санаторно-курортное лечение, туризм, любительский спорт, любительское рыболовство, дачную рекреацию и др., базируется на использовании потребительских свойств природных и/или историко-культурных объектов.

В то же время значительная часть природных объектов, представляющих интерес для туристов, — это особо охраняемые природные территории, выполняющие экологическую функцию, функции сохранения природных ландшафтов и контроля над территорией. В свою очередь, на сельских территориях располагается значительное количество историко-культурных объектов, в том числе являющихся объектами культурного наследия (ОКН), которые следует поддерживать в надлежащем состоянии, выполняя функцию их сохранения.

Центральное место при этом принадлежит рекреационной функции, которая, увязывая между собой все иные непроизводственные функции и вводя в потребительское пространство совокупность природных и историко-культурных ценностей, должна опираться на определенный географический образ той или иной территории.

В настоящее время, особенно в публикациях по экономике, говоря о территории как о потребительском пространстве, авторы, оперируя понятиями имиджа и бренда, не обращаются к рассмотрению ее географического образа.

По нашему мнению, в таких исследованиях должна быть соблюдена следующая последовательность: географический образ — имидж — бренд.

Ощущая нехватку первого звена данной цепи, И.С. Важенина ввела в научный оборот категорию «территориальная индивидуальность», под которой понимается «генеральная совокупность характеристик, отличающих одну территорию от другой» [37, с. 149].

По нашему мнению, введение новой категории в этом случае нецелесообразно, так как существующее понятие географического образа, как совокупности характеристик, выраженных через знаки, символы, стереотипы, ключевые представления, рельефно и сжато описывающие конкретные территории [38; 39], как раз и характеризует территориальную индивидуальность.

Далее И.С. Важенина формулирует определение имиджа территории как «набора ощущений и образных, эмоционально окрашенных представлений людей, которые возникают по поводу природно-климатических, исторических, этнографических, социально-экономических, политических, морально-психологических и других особенностей данной территории» [37, с. 154].

Давая определение имиджа, В.Н. Овчинников, А.Г. Дружинин, А.Х. Тамбиев [40, с. 102] говорят о качественных характеристиках территории (а не только об ее особенностях), что стоит гораздо ближе к понятию «географический образ» в общей системе территориального брендинга.

В целом ряде работ происходит отождествление понятий «географический образ» и «имидж» [41], что вряд ли правильно.

Как следует из определений географического образа и имиджа территории, эти понятия нельзя смешивать, так как образ отражает некую относительно объективно описываемую реальность, а имидж является субъективным восприятием этой реальности, формируемым под воздействием современных информационных технологий. Вместе с тем имидж территории еще не превращает ее в потребительское пространство, хотя и способствует приближению к нему.

Следующим шагом в этом направлении является бренд территории как «сформировавшийся на основе ее реальных достоинств, позиционируемых в имиджевом поле, собирательный образ, четко идентифицируемый и качественно выделяемый среди других территорий» [40, с. 103].

Исходя из данного и ряда других определений, считаем, что бренд — это продукт положительного имиджа территории, отражающий ее оригинальность и уникальность и действующий на потребителей в качестве определенного штампа при выборе варианта получения туристско-рекреационных или иных услуг.

Приграничные районы Северо-Запада располагают значительными природными и историко-культурными ресурсами, необходимыми для реализации сельскими территориями непроектных функций, развития объектов туристско-рекреационной инфраструктуры с имиджевыми характеристиками, создания территориальных брендов и формирования таким образом потребительских пространств, отражающих те или иные аспекты географического образа рассматриваемых сельских территорий (табл. 5).

Таблица 5

Наличие особо охраняемых природных территорий и объектов культурного наследия в сельской местности приграничных районов Северо-Запада Российской Федерации

Сельские территории	ООПТ	ОКН ¹
	всего / в том числе федерального значения	
Республика Карелия, всего	32/7	373
в том числе Калевальский район	4	23
Костомушский район	3/2	40
Лахденпохский район	7/1	35
Лоухский район	3/2	40
Муезерский район	4/1	57
Сортавальский район	4/1	39 ²
Суоярвский район	7	139
Ленинградская область, всего	15/1	171/6
в том числе Выборгский район	12/1	66/4
Кингисеппский район	3	82/2
Сланцевский район	—	23
Мурманская область, всего	29/3	26/1
в том числе Кандалакшский район	9/1	1/1
Ковдорский район	2	—
Кольский район	11/1	6
Печенгский район	7/1	19
Калининградская область, всего	18/1 ³	42 ⁴
в том числе Багратионовский район	5	11
Краснознамённый район	1	—
Неманский район	1	5
Нестеровский район	7	13
Правдинский район	—	12
Славский район	4	1
Псковская область, всего	11/3	475/32
в том числе Гдовский район	4/2	60/5
Красногородский район	—	16
Невельский район	1	73/2
Палкинский район	1	37/2
Печорский район	3	210/22 ⁵
Пыталовский район	1	31
Себежский район	1/1	36/1
Усвятский район	—	12

¹ За исключением объектов археологического наследия. ² Без о. Валаам и Валаамского архипелага, где расположено 260 ОКН, в том числе 10 — федерального значения.

³ Куршская коса, расположенная в Зеленоградском районе.

⁴ В Калининградской области в число ОКН регионального значения не включены воинские захоронения. ⁵ Без 19 объектов Ансамбля Псково-Печерского монастыря.

Составлено автором на основе данных⁷.

⁷ Государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов России. URL: <https://kartarf.ru/dostoprimechatelnosti> (дата обращения: 10.08.2019); Перечень особо охраняемых территорий России. URL: <http://oopt.aari.ru/oopt> (дата обращения: 10.08.2019).

Приведенные в таблице 5 данные дают весьма общее представление о непроизводственном образе сельских территорий. Совокупные показатели по природным и культурно-историческим объектам не раскрывают их внутреннюю неоднородность. При структуризации обобщенных показателей образ территорий становится более многоликим.

Представляется, что географический образ сельских территорий формируют как зональные, так и азональные явления. Первые, как правило, имеют природное происхождение, вторые — историко-культурное. С учетом этого нами сделано описание типичных для приграничных районов географических образов в сочетании с уже существующими имиджевыми характеристиками, с выходом на формирующиеся бренды территорий. Фрагмент описания приведен в таблице 6.

Таблица 6

Географический образ, имиджевые объекты и формируемый бренд сельских территорий приграничных районов Северной Карелии и районов, примыкающих к Псковско-Чудскому озеру в Псковской области

Географический образ	Имиджевые объекты	Бренд территории
Лоухский, Калевальский, Костомушский, Муезерский районы Республики Карелия		
Возвышенные территории с горными грядами, высотами 300—500 м и выше, покрытые лесами с растительностью северной тайги, многочисленными порожистыми реками, водопадами и множеством крупных, средних и малых озер, историческими деревнями	Национальные парки «Калевальский» и «Паанаярви», Костомушский заповедник, ГПЗ, заповедные болота, пороги, реки Кереть и Пистайоки, озера Куйто, рунопевческие деревни, исторические деревни, Этнокультурный центр «КАЛЕВАЛАТАЛО»	Экологический, этнографический, водный, сельский туризм Рыбалка и охота
Гдовский и Печорский районы Псковской области		
Территории, прилегающие с востока и запада к Псковско-Чудскому озеру, относящиеся к подзоне смешанных лесов, с памятниками природы, историческими фортификационными и культовыми сооружениями, объектами отдыха и сельского туризма	Псковско-Чудское озеро, ГПЗ «Ремдовский», памятники природы: «Сороковой бор», «Изборско-Мальская долина», «Остров Семск», «Западный берег Псковского озера», музей-заповедник «Изборск», Изборская и Гдовская крепости, Мальский монастырь, Труворово городище, Трутневские пещеры, усадьбы Черново и Халахальня, музей народа сето, экоферма	Историко-культурный, религиозный, этнографический, сельский туризм Семейный отдых Дачная рекреация

Составлено автором на основе данных⁸.

Многие приграничные районы Северо-Запада России, как приведенные в таблице 6, так и не вошедшие в нее, имеют достаточный имиджевый потенциал для

⁸ Государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов России. URL: <https://kartarf.ru/dostoprimechatelnosti> (дата обращения: 10.08.2019); Перечень особо охраняемых территорий России. URL: <http://oopt.aari.ru/oopt> (дата обращения 10.08.2019).

реализации непроектных функций сельских территорий и превращения их тем самым эволюционно в потребительские пространства с соответствующими территориальными брендами.

Особое место при этом может занять дачная рекреация, объектами которой являются садово-дачные поселки и деревни со «вторым домом» для горожан. Данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года (ВСХП-2016) показывают, что размещение садоводческих и дачных объединений в северо-западном приграничье сильно локализовано (табл. 7).

Таблица 7

Основные показатели, характеризующие садоводческие и дачные некоммерческие объединения граждан северо-западного российского приграничья

Приграничный район	Число объединений, ед.	Общая площадь земли, га	В том числе в пользовании граждан	Число земельных участков в пользовании граждан, ед.	Средний размер земельных участков, га
Садоводческие некоммерческие объединения граждан					
Выборгский	382	6477,6	5226,4	60074	0,087
Кингисеппский	71	1678,9	1375,9	19110	0,072
Багратионовский	53	1600,7	1239,9	16103	0,077
<i>Итого</i>	506	9757,2	7842,2	95287	0,082
Прочие	96	1048	742,6	9104	0,082
<i>Всего</i>	602	10805,2	8584,8	104391	0,082
Дачные некоммерческие объединения граждан					
Выборгский	164	3124,7	1440,8	6860	0,210
Кингисеппский	20	198,7	58,6	170	0,341
Гдовский	60	616,1	501,5	135	3,715
<i>Всего</i>	244	3939,5	2000,9	7165	0,279

Составлено автором на основе данных⁹.

Местом сосредоточения объектов садово-дачной рекреации являются Выборгский и Кингисеппский районы Ленинградской области, где расположено 75 % садовых и 98 % дачных участков северо-западного приграничья. Дачные объединения имеются еще в Гдовском районе Псковской области, причем элитной категории (по 2—3 члена в объединении при среднем размере участка 3,7 га). В Калининградской области садоводства сконцентрированы в расположенном вблизи областного центра Багратионовском районе, где находится 86 % садовых участков всего региона.

⁹ Окончательные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года на территории Калининградской области. URL: https://kaliningrad.gks.ru/All_Russian_Agricultural_Census_2016 (дата обращения: 10.08.2019); Окончательные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Итоги по Ленинградской области. URL: <https://petrostat.gks.ru/folder/33448> (дата обращения: 10.08.2019); Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по Псковской области. URL: <https://pskovstat.gks.ru/vshp2016> (дата обращения: 10.08.2019).

Объекты дачной рекреации в Ленинградской области на 28,6 %, а в Псковской — на 100 % сосредоточены в приграничных районах при коэффициентах локализации относительно площади территории соответственно 1,82 и 2,88.

В свою очередь, доля площадей садовых участков приграничных районов от итога по Ленинградской области составляет 15,1 %, Калининградской — 17 %, Псковской — 8,7 %, а коэффициенты их локализации соответственно — 0,96; 0,34; 0,25.

Таким образом, в северо-западном приграничье четко вырисовываются ареалы садово-дачной рекреации, затрагивающие достаточно ограниченные по площади территории, в которых широко представлены и другие виды рекреационной деятельности. Большинство сельских территорий остаются неохваченными садово-дачной рекреацией горожан, вероятно, в связи с особыми условиями передвижения и ведения хозяйственной деятельности в пограничной зоне, а также из-за удаленности их от городских агломераций.

Основные направления развития сельских территорий

Развитие сельских территорий на основе мобилизации локальных ресурсов возможно в том случае, если эти ресурсы (земельные, лесные, рекреационные и иные) будут доступны к вовлечению их в хозяйственный оборот местным населением. Для этого на сельских территориях необходимо создать местные сообщества (общины, партнерства) — аналог территориального общественного самоуправления (ТОС), предусмотренного российским законодательством о местном самоуправлении. Существующие правовые нормы для ТОС должны быть значительно расширены, их сфера деятельности распространена на весь спектр хозяйственной деятельности на селе и за ними закреплены соответствующие локальные ресурсы.

Необходимым условием для этого является наличие социального капитала, представляющего собой способность отдельных лиц, групп, организаций и учреждений сотрудничать и использовать социальные отношения для достижения общих целей и получения общей выгоды [32, с. 87].

Формирование социального капитала в условиях депрессивности значительной части сельских территорий — сложная, но решаемая проблема, что доказал своими практическими действиями Г.В. Тюрин в сельской местности Архангельской области, Республики Коми и других регионов страны [42].

Для ускорения процесса формирования и накопления социального капитала следует активизировать деятельность фондов местных сообществ (фондов поддержки местных инициатив), а также обеспечить доступ к интернету и мобильной связи всех сельских территорий.

Формирование социального капитала, а также предпосылок для решения ряда других задач развития сельских территорий ускорит создание специальных сельских сетей (*Rural Web*), объединяющих предприятия, организации, сельские сообщества, предпринимателей, научные, учебные и государственные учреждения всех сфер деятельности на территории приграничных районов. Обмен информацией, поиск инноваций и партнеров, формирование имиджа и продвижение бренда территорий в едином информационном пространстве позволит существенно снизить транзакционные издержки, которые сейчас возникают из-за неполноты информации и ее рассеянности по сайтам различных секторов сельской экономики приграничных районов.

Важным институтом развития сельских территорий приграничных районов, удаленных от центров регионов, должны стать местные продовольственные сети (местные рынки) с короткими цепочками поставок, обеспечивающие реализацию произведенной на местах продукции, прежде всего КФХ, индивидуальными предпринимателями, ХН, малыми и средними СХО и кооперативами.

Общие направления в развитии сельских территорий при приложении их к конкретным типам приграничных районов имеют свою специфику.

В районах I типа необходимо направить усилия на обеспечение охраны окружающей среды, осуществление природоохранных мероприятий, недопущение дальнейшего роста уровня концентрации производства, создание условий для развития средних и малых СХО, КФХ и хозяйств населения.

В районах II типа предстоит решать проблемы занятости работников, высвобождающихся при сокращении лесозаготовительной и сельскохозяйственной деятельности. Решение проблемы, с одной стороны, может быть основано на комплексном использовании ресурсов леса, включая эксплуатационные запасы древесины и дикорастущих растений (грибов, ягод, лекарственных трав и др.), промысловых видов животных, птиц и рыб. С другой стороны — это формирование имиджа и создание бренда сельских территорий при выполнении ими непроизводственных функций.

В районах III типа следует особое внимание обратить на СХО, темпы роста объемов производства продукции сельского хозяйства в которых являются недостаточными. В то же время именно СХО создают важные общественные блага: позитивно влияют на развитие малых форм хозяйствования, особенно КФХ, и обеспечивают выполнение таких функций, как контроль над территорией, сохранение и поддержание агроландшафтов, а также социальных функций. Исходя из этого, в районах данного типа СХО нуждаются во всесторонней поддержке. На территориях данного типа будет возрастать роль КФХ в их развитии, с ростом численности которых возникнут предпосылки создания сельскохозяйственных потребительских кооперативов как одного из видов институтов саморазвития сельских территорий.

В районах, имеющих на своей территории значимые рекреационные объекты, следует активизировать формирование их соответствующего имиджа, а там, где он уже существует, — создавать территориальные бренды, превращая эволюционно сельские территории в потребительские пространства. Это особенно важно в тех районах, где постепенно утрачиваются производственные функции.

Инициативное движение «снизу» в приграничных районах может возникнуть и иметь положительный результат в том случае, когда для этого будут созданы определенные условия со стороны федеральных и региональных органов власти, то есть «сверху». Для сельских территорий данных районов необходимы особые режимы привлечения инвестиций, инноваций и развития предпринимательской деятельности, принятые по аналогии с механизмами, существующими для зон свободного предпринимательства.

Заключение

В статье внимание сконцентрировано на «сканировании» ситуации с развитием сельских территорий северо-западного приграничья на микроуровне в целях определения возможностей их развития в перспективе за счет внутренних факторов.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что рассматриваемые территории обладают разнообразным и уникальным ресурсным потенциалом, достаточным для обеспечения их устойчивого развития на основе неоздогенного подхода.

Районы северо-западного приграничья первой линии, занимая в субъектах Федерации, их включающих, более трети площади территории, 24 % населения, свыше 30 % сельхозугодий и посевных площадей, производят треть общих объемов сельскохозяйственной продукции. Наряду с этим сельские территории успешно выполняют ряд других непроизводственных функций: рекреационную (включая туризм), экологическую, контроля над территорией и др.

В аграрном отношении сельские территории неоднородны и представлены тремя типами районов: с доминированием СХО (25 % районов) или малых форм хозяйствования (33 %) и с сочетанием тех и других (42 %). Для каждого типа показаны проблемы и дифференцированы пути их перспективного развития.

Для активизации непродуцированных функций сельских территорий предложено исследовать их географические образы, определять имиджевые объекты и потенциальные бренды, активизировать деятельность по их созданию. В совокупности это будет содействовать трансформации сельских территорий в потребительские пространства.

В статье сознательно оставлены без внимания вопросы трансграничного сотрудничества, которые требуют специального рассмотрения. Не раскрыта также демографическая функция сельских территорий приграничья, так как, с одной стороны, эта работа на мезоуровне выполнена Г.М. Федоровым [1], а с другой — для микроуровня недостаточно нужной информации.

Список литературы

1. Федоров Г.М. Демографическая обстановка и демографическая безопасность в регионах Западного побережья России // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 3. С. 119—135. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-7.
2. Kolosov V., Medvedev A., Zotova M. Comparing the Development of Border Regions with the use of GIS (the case of Russia) // Geographia Polonica. 2018. Vol. 91, № 1. P. 47—61. doi: 10.7163/GPol.0090.
3. Дружинин А.Г. Западное побережье России: делимитация, структурирование, типологизация // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2019. № 1. С. 5—16.
4. Манаков А.Г. Российско-белорусское побережье: историко-географическая детерминация // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. С. 169—176.
5. Морачевская К.А. Экономическое развитие российско-белорусского приграничья в контексте государственных интеграционных процессов // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2017. № 1 (53—54). С. 80—88.
6. Vasci Z., Kovács E. The Role of Cross-Border Cooperation in rural Development — a new European Perspective // Journal of Central European Agriculture. 2006. Vol. 7, № 3. P. 485—488.
7. Костяев А.И., Мицкевич А.А., Юрчак Р. и др. Трансграничное сотрудничество как механизм развития приграничных сельских территорий // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2014. № 2 (39). С. 69—74.
8. Федоров Г.М. Проблемы трансграничного регионообразования в российских регионах на Балтике // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2016. № 5. С. 82—92.
9. Баутин В.М., Козлов В.В., Мерзлов А.В. и др. Устойчивое развитие сельских территорий: вопросы стратегии и тактики. М., 2004.
10. Бондаренко Л.В. Сельские территории: состояние и регулирование // АПК: экономика, управление. 2014. № 1. С. 69—79.
11. Петриков А.В. Многофункциональность сельского хозяйства: теоретические и политические аспекты // АПК: Экономика, управление. 2007. № 12. С. 2—5.
12. Чайка В.П. Устойчивое многофункциональное развитие сельских территорий: межотраслевые взаимодействия // Социально-экономические явления и процессы. 2009. № 1 (13). С. 106—119.
13. Меренкова И.Н., Перцев В.Н., Новикова И.И. Многофункциональность сельских территорий — основа жизнеобеспечения сельского населения // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2014. № 1—2 (40—41). С. 273—278.
14. Овчинцева Л.А. Формирование институциональных основ развития сельских территорий // Вестник Орловского государственного аграрного университета. 2011. № 5(32). С. 56—59.

15. Костяев А. И. К вопросу о парадигме развития сельских территорий // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2018. № 6. С. 3—12.
16. Калугина З. И., Фадеева О. П. Новая парадигма сельского развития // *Мир России*. 2009. № 2. С. 34—49.
17. Покровский Н. Е., Нефедова Т. Г. «Клеточная глобализация» в сельских сообществах современной России: теоретические и прикладные аспекты // *Социологические исследования*. 2013. № 4 (348). С. 13—23.
18. Троцкий А. Я., Мищенко И. В. Пространственные аспекты развития социально-экономической среды сельских территорий Алтайского края: методика, результаты, регулирование : монография. Барнаул, 2013.
19. Нечипоренко О. В., Шлюкич С. Социальный капитал локальных сообществ в стратегиях развития сельских территорий: европейский опыт и российская специфика // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Философия*. 2014. Т. 12, вып. 4. С. 69—77.
20. Денисенко Г. М., Денисенко М. Б., Ефременко Д. В. и др. Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и село-городские сообщества. М., 2016.
21. Трейвиш А. И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // *Известия Российской академии наук. Сер. географическая*. 2014. № 4. С. 22—32.
22. Покровский Н. Е., Нефедова Т. Г. Угорский проект — перспективы развития Ближнего Севера // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2012. № 5 (111). С. 185—196.
23. Махрова А. Г., Медведев А. А., Нефедова Т. Г. Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения // *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*. 2016. № 2. С. 64—74.
24. Нефедова Т. Г. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // *Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов*. 2018. № 7. С. 1—12.
25. *Rural Planning and Development. Critical concepts in rural built environment* / N. Gallent, M. Scott (eds.). Routledge, 2017.
26. Guinjoan E., Badia A., Tulla A. F. The new Paradigm of Rural Development. Territorial Con-Siderations and Reconceptualization using the “Rural Web” // *Boletín de la Asociación de Geógrafos Españoles*. 2016. № 71. P. 495—500.
27. Мантино Ф. Сельское развитие в Европе: Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней / пер. с итал. ФАО. Business Media of the Sole 24 Ore, 2010.
28. Gkartzios M., Lowe P. Revisiting neo-endogenous rural development // *The Routledge Companion to Rural Planning* / M. Scott, N. Gallent, M. Gkartzios (eds.). Routledge, 2019. P. 159—169. doi: 10.4324/9781315102375-17.
29. Donner M., Horlings L., Fort F., et al. Place branding, embeddedness and endogenous rural development: Four European cases // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2017. Vol. 13, № 4. P. 273—292.
30. Cairol D., Coudel E., Knickel K., et al. Multifunctionality of Agriculture and Rural Areas as Reflected in Policies: The Importance and Relevance of the Territorial View // *Journal of Environmental Policy & Planning*. 2009. Vol. 11, № 4. P. 269—289.
31. Ferrari S., Rambonilaza M. Agricultural Activities, Rural Areas and Natural Environment: Drawing Up the Frontiers of the Multifunctionality Concept // *Rural Landscapes and Agricultural Policies in Europe* / A. Piore, K. Müller (eds.). Berlin ; Heidelberg, 2009. P. 21—34. doi: 10.1007/978-3-540-79470-7_2.
32. Ploeg J. D., Marsden T. *Unfolding Webs: The Dynamics of Regional Rural Development*. Assen, 2008.
33. Rivera M., Knickel K., Díaz-Puente J. M., et al. The Role of Social Capital in Agricultural and Rural Development: Lessons Learnt from Case Studies in Seven Countries // *Sociologia Ruralis*. 2019. Vol. 59, № 1. P. 66—91.
34. Костяев А. И., Шепелева Е. А. Крестьянские (фермерские) хозяйства в контексте концепции развития сельских территорий // *Научное обозрение: теория и практика*. 2018. № 6. С. 140—152.

35. Минц А. А., Преображенский В. С. Функция места и ее изменение // Известия академии наук СССР. Сер. географическая. 1970. № 6. С. 118—131.
36. *Методология и методика системного изучения советской деревни* / отв. ред. Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. Новосибирск, 1980.
37. *Важенина И. С.* Имидж, репутация и бренд территории. Екатеринбург, 2013.
38. *Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю.* Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Известия РАН. Сер. географическая. 2011. № 5. С. 97—108.
39. *Колосов В. А.* Географические образы и геополитические представления: пути формирования и подходы к изучению // Вестник Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии. 2008. № 1 (1). С. 72—91.
40. *Овчинников В. Н., Дружинин А. Г., Тамбиев А. Х.* Территориальный бренд как маркетинговый инструмент рыночного позиционирования региона // Journal of Economic Regulation. 2019. Т. 10, № 1. С. 100—106. doi: 10.17835/2078-5429.2019.10.1.100—106.
41. *Новиков А. М.* Географический имидж государства // Имидж государства / региона: современные подходы: новые идеи в теории и практике коммуникации : сб. науч. тр. Вып. 3 / отв. ред. Д. П. Гавра. СПб., 2009. С. 33—55.
42. *Тюрин Г. В.* Опыт возрождения русских деревень. М., 2007.

Об авторе

Александр Иванович Костяев, доктор географических наук, профессор, академик РАН, главный научный сотрудник отдела экономических и социальных проблем развития региональных АПК и сельских территорий, Северо-Западный научно-исследовательский институт экономики и организации сельского хозяйства, Россия.

E-mail: galekos@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4041-6935>

RURAL AREAS OF RUSSIA'S NORTH-WEST BORDERLAND: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PATHS

A. I. Kostyaev

North-West Research Institute
of Economics and Organization of Agriculture
7 Shosse Podbelskogo, Pushkin, St Petersburg, Russia, 196608

Received 26 August 2019
doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-6
© Kostyaev A. I., 2019

This article focuses on the rural areas of Russia's North-West borderlands, particularly, the municipal districts and towns that are closest to the national border. The study aims to identify problems in the development of these territories and provide solutions to them. The methodological framework employed is the neo-endogenous approach, which suggests the maximal multifunctionality-driven use of internal resources, bottom-up initiatives supported by the authorities, extensive use of innovations, the Internet, and scientific knowledge. The study takes into account and assesses the heterogeneity of rural areas by producing a typology of districts built on the structure of agricultural production, using the Hall-Tideman index.

To cite this article: Kostyaev, A. I. 2019, Rural areas of Russia's North-West borderland: problems and development paths, *Balt. Reg.*, Vol. 11, no 4, p. 93—113. doi: 10.5922/2078-8555-2019-4-6.

The study used several indicators to identify the role and place of border districts in their respective regions. Three types of districts were distinguished according to the structure of agricultural production: districts dominated by agricultural organisations, districts dominated by small farms, and mixed-type districts. Cross-district differences in output dynamics were described. The socially essential functions of rural areas and the economic entities performing those functions were identified. The analysis of the recreational resources of border districts helped to determine the directions in which the transformation of rural areas into consumer spaces was moving. The major development trajectories of rural areas were plotted using the non-endogenous approach and differentiated by the district types. The rural areas of the North-West borderlands were confirmed to have a unique and diverse resource potential that is sufficient to ensure their sustainable development based on the non-endogenous approach.

Keywords:

rural development, functions, multifunctionality, geographical image, image, brand, neo-endogenous approach

References

- Fedorov, G.M. 2018, Demographic Situation and Demographic Security in the Regions of Russia's Western Borderlands, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 3, p. 119—135. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-7> (In Russ.).
- Kolosov, V., Medvedev, A., Zotova, M. 2018, Comparing the Development of Border Regions with the use of GIS (the case of Russia), *Geographia Polonica*, Vol. 91, no. 1, p. 47—61. Doi: <https://doi.org/10.7163/GPol.0090>.
- Druzhinin, A.G. 2019, Western border regions of Russia: delimitation, structure, typology, *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Estestvenny'e i medicinskie nauki* [Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Natural and Medical Sciences], no. 1, p. 5—16 (In Russ.).
- Manakov, A.G. 2013, Russian-Belarusian Borderland: historical-geographical determination, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*, no. 16, p. 169—176 (In Russ.).
- Morachevskaya, K.A. 2017, Economic development of the Russian-Belarusian border in the context of state integration processes, *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* [Economy of the North-West: problems and development prospects], no. 1 (53—54), p. 80—88 (In Russ.).
- Bacsi, Z., Kovács, E. 2006, The Role of Cross-Border Cooperation in rural Development — a new European Perspective, *Journal of Central European Agriculture*, Vol. 7, no. 3, p. 485—488.
- Kostyaev, A.I., Mitskevich, A.A., Yurchak, R. et al. 2014, Cross-border cooperation as a mechanism for the development of border rural territories, *Agrarnaya nauka Evro-Severo-Vostoka* [Agricultural science of the Euro-North-East], no. (39), p. 69—74 (In Russ.).
- Fedorov, G.M. 2016, Problems of cross-border regionalization in the Russian regions in the Baltic, *Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskix geografov-obshhestvovedov* [Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian Geographers-Social Studies], no. 5, p. 82—92 (In Russ.).
- Bautin, V.M., Kozlov, V.V., Merzlov, A.V. et al. 2004, *Ustojchivoe razvitie sel'skikh territorij: voprosy strategii i taktiki* [Sustainable rural development: issues of strategy and tactics], Rosinformagrotekh, 312 p. (In Russ.).
- Bondarenko, L.V. 2014, Rural Territories: Status and Regulation, *APK: ekonomika, upravlenie* [AIC: Economics, Management], no. 1, p. 69—79. (In Russ.).
- Petrikov, A.V. 2007, Multifunctionality of agriculture: theoretical and political aspects, *APK: ekonomika, upravlenie* [AIC: Economics, Management], no. 12, p. 2—5 (In Russ.).
- Chaika, V.P. Sustainable multifunctional development of rural areas: intersectoral interactions, *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process* [Socio-economic phenomena and processes], no. 1 (13), p. 106—119 (In Russ.).
- Merenkova, I.N., Pertsev, V.N., Novikova, I.I. 2014, Multifunctionality of rural areas is the basis of rural livelihoods, *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of the Voronezh State Agrarian University], no. 1—2 (40—41), p. 273—278 (In Russ.).

Ovchintseva, L.A. 2011, Formation of the institutional framework for rural development, *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of the Oryol State Agrarian University], no. 5 (32), p. 56—59 (In Russ.).

Kostyaev, A.I. 2018, To the question about the paradigm of development of rural territories, *Fundamental'ny'e i prikladny'e issledovaniya kooperativnogo sektora e'konomiki* [Fundamental and applied research of the cooperative sector of the economy], no. 6, p. 3—12 (In Russ.).

Kalugina, Z.I., Fadeeva, O.P. 2009, New Rural Development Paradigm, *Mir Rossii* [World of Russia], no. 2, p. 34—49 (In Russ.).

Pokrovsky, N.E., Nefedova T.G. 2013, "Cellular globalization" in rural communities of modern Russia: theoretical and applied aspects, *Sociologicheskie issledovaniya* [Case studies], no. 4 (348), p. 13—23. (In Russ.).

Trockovskij, A.Ya., Mishchenko I.V. 2013, *Prostranstvennyye aspekty razvitiya social'no-ekonomicheskoy sredy sel'skih territorij Altajskogo kraja: metodika, rezul'taty, regulirovanie* [Spatial aspects of the development of the socio-economic environment of rural territories of the Altai Territory: methods, results, regulation], Barnaul, 176 p. (In Russ.).

Nechiporenko, O.V., Shlyukich, S. 2014, Social capital of local communities in rural development strategies: European experience and Russian specifics, *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy], Vol. 12, no. 4, p. 69—77 (In Russ.).

Denisenko, G.M., Denisenko, M.B., Efremenko, D.V. et al. 2016, *Gorozhane v derevne. Sociologicheskie issledovaniya v rossijskoj glubinke: dezurbanizaciya i sel'sko-gorodskie soobshchestva* [The townspeople in the village. Sociological Studies in the Russian Outback: Desurbanization and Rural-Urban Communities], Moscow, 404 p. (In Russ.).

Treyvish, A.I. 2014, "Giving" as the science of a second home in the West and in Russia, *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], no. 4. p. 22—32. (In Russ.).

Pokrovsky, N.E., Nefedova, T.G. 2012, Ugorsky project — prospects for the development of the Middle North, *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change], no. 5 (111), p. 185—196 (In Russ.).

Makhrova, A.G., Medvedev, A.A., Nefedova, T.G. 2016, Garden and cottage townspeople in the rural settlement system, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya* [Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography], no. 2, p. 64—74 (In Russ.).

Nefedova, T.G. 2018, Factors and trends of rural settlement in Russia, *Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshchestvovedov* [Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian Geographers-Social Studies], no. 7, p. 1—12 (In Russ.).

Gallent, N., Scott, M. (eds.) 2017, *Rural Planning and Development. Critical concepts in rural built environment*, Routledge, 308 p.

Guinjoan, E., Badia, A., Tulla, A.F. 2016, The new Paradigm of Rural Development. Territorial Con-Siderations and Reconceptualization using The "Rural Web", *Boletín de la Asociación de Geógrafos Españoles*, no. 71, p. 495—500.

Mantino, F. 2010, *Sel'skoe razvitie v Evrope: Politika, instituty i dejstvuyushhie licza na mestax s 1970-x godov do nashix dnei* [Rural development in Europe: Local policies, institutions and actors from the 1970s to the present], Business Media of the Sole 24 Ore, 272 p. (In Russ.).

Gkartzios, M., Lowe, P. 2019, Revisiting neo-endogenous rural development. In: Scott, M., Gallent, N., Gkartzios M. (eds.). *The Routledge Companion to Rural Planning*, Routledge, p. 159—169. Doi: <https://doi.org/10.4324/9781315102375-17>.

Donner, M., Horlings, L., Fort, F., et al. 2017, Place branding, embeddedness and endogenous rural development: Four European cases, *Place Branding and Public Diplomacy*, Vol. 13, no. 4, p. 273—292.

Cairol, D., Coudel, E., Knickel, K., et al. 2009, Multifunctionality of Agriculture and Rural Areas as Reflected in Policies: The Importance and Relevance of the Territorial View, *Journal of Environmental Policy & Planning*, Vol. 11, no. 4. p. 269—289.

Ferrari, S., Rambonilaza, M. 2009, Agricultural Activities, Rural Areas and Natural Environment: Drawing Up the Frontiers of the Multifunctionality Concept. In: Piore, A., Müller, K. (eds.). *Rural Landscapes and Agricultural Policies in Europe*, Berlin Heidelberg, Springer-Verlag, p. 21—34. Doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-540-79470-72>.

Ploeg, J.D., Marsden, T. 2008, *Unfolding Webs: The Dynamics of Regional Rural Development*, Assen, Van Gorcum, 262 p.

Rivera, M., Knickel, K., Díaz-Puente, J.M. et al. 2019, The Role of Social Capital in Agricultural and Rural Development: Lessons Learnt from Case Studies in Seven Countries, *Sociologia Ruralis*, Vol. 59, no. 1, p. 66–91.

Kostyaev, A.I., Shepeleva, E.A. 2018, Farm households in the context of the concept of rural development, *Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika* [Scientific Review: Theory and Practice], no. 6, p. 140–152 (In Russ.).

Mints, A.A., Preobrazhensky, V.S. 1970, The function of the place and its change, *Izvestiya akademii nauk SSSR. Seriya geograficheskaya* [News of the USSR Academy of Sciences. Geographical Series], no. 6, p. 118–131 (In Russ.).

Zaslavskaya, T.I., Ryvkina R.V. (eds.) 1980, *Metodologiya i metodika sistemnogo izucheniya sovetskoj derevni* [Methodology and methodology of a systematic study of the Soviet village], Novosibirsk, 344 p. (In Russ.).

Vazhenina, I.S. 2013, *Imidzh, reputaciya i brend territorii* [Image, reputation and brand of territory], 378 p. (In Russ.).

Zamyatin, D.N., Zamyatina, N.Yu. 2011, Humanitarian geography: subject of study and main directions of development, *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the RAS. Geographical Series], no. 5, p. 97–108 (In Russ.).

Kolosov, V.A. 2008, Geographical images and geopolitical representations: ways of formation and approaches to study, *Vestnik Dal'nevostochnoj gosudarstvennoj social'no-gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Far Eastern State Social and Humanitarian Academy], no. 1 (1), p. 72–91 (In Russ.).

Ovchinnikov, V.N., Druzhinin, A.G., Tambiev, A.Kh. 2019, Territorial Brand as a Marketing Tool for Marketpositioning of the Region, *Journal of Economic Regulation*, Vol. 10, no. 1, p. 100–106. Doi: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2019.10.1.100-106> (In Russ.).

Novikov, A.M. 2009, Geographical image of the state. In: Le Havre, D.P. (ed.) *Imidzh gosudarstva / regiona: sovremennyye podxody: novyye idei v teorii i praktike kommunikacii* [Image of a state / region: modern approaches: new ideas in the theory and practice of communication], collection of scientific papers, St. Petersburg, no. 3, p. 33–55. (In Russ.).

Tyurin, G.V. 2007, *Opyt vozrozhdeniya russkix dereven* [The experience of the revival of Russian villages], Moscow, 240 p. (In Russ.).

The author

Prof. Alexander I. Kostyaev, Fellow of the Russian Academy of Sciences, North-West Research Institute of Economics and Organisation of Agriculture, Russia.

E-mail: galekos@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4041-6935>
